

ГЛАВНЫЕ ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ПУБЛИЙ АВРЕЛИЙ СТАЦИЙ, римский сенатор
КАСТОР, раб Публия Аврелия, его секретарь
ТИТ СЕРВИЛИЙ, друг Аврелия
ПОМПОНИЯ, жена Сервилия
КОРИННА, куртизанка
ГЕКУБА, кормилица
ПСЕКА, рабыня Коринны
МАРК ФУРИЙ РУФО, сенатор
ГАЙ ФУРИЙ РУФО, его сын
МАРЦИЯ ФУРИЛЛА, дочь Руфо
КВИНТИЛИЙ ДЖЕЛЛИЙ, муж Марции
ЛОЛЛИЯ АНТОНИНА, римская аристократка
КЛЕЛИЯ, прачка в Субуре
ЭННИЙ, плотник
АКВИЛА, старший слуга
ПАРИС, управляющий в доме Аврелия
ДИОМЕД, отец Париса
ЛУКРЕЦИЯ, любовница отца Аврелия
УМБРИЦИЙ, секретарь отца Аврелия
ХРИСИПП, наставник Аврелия

ПОМОГИ, АВРЕЛИЙ!

РИМ, 772 ГОД AB URBE CONDITA¹
(19 ГОД НОВОЙ ЭРЫ)

Факелы погасили, и просторный домус² на Винальском холме погрузился в ночную тьму.

Человек прижался к стене перистиля³ и опасно осмотрелся, а после осторожно прошёл в тень колоннады, стараясь не скрипеть сандалиями. У резной деревянной двери он глубоко вздохнул и заглянул в её ажурный просвет.

Как он и думал, таблинум⁴ был пуст: в отсутствие господина, который отправился в Антий на званый ужин, никто не посмел бы войти в эту комнату. Неслышно, словно наёмный убийца, он проскользнул внутрь и прикрыл за собой дверь.

¹ *Ab Urbe condita* (лат.) — от основания Города. Официальная дата основания Рима — 21 апреля 753 года до н. э.

² *Domus* (лат.) — домус, одноэтажный дом для одной семьи. В Риме их насчитывалось около двух тысяч. Поскольку земля стоила очень дорого, здесь чаще строили инсулы — *insulae* (лат.) — здания в несколько этажей, вплоть до шести.

³ *Peristilio* (лат.) — перистиль, двор, окружённый колоннадой, внутри греческого или римского дома.

⁴ *Tablinum* (лат.) — таблинум, помещение, служившее хозяину дома кабинетом.

Сделав несколько шагов, человек на ощупь нашёл масляную лампу и осторожно зажёл её. При слабом свете пламени он разглядел кровать, стулья и стоящий у стены большой сундук из фи-сташкового дерева, инкрустированный серебром, с чёрным замком, подмигивавшим, словно кокет-ливая женщина.

Человек, проникший в комнату, пошарил в складках туники, достал ключ и наклонился к сундуку.

Мгновение спустя голова его словно взорва-лась от боли. Тело медленно осело возле сунду-ка, лампа упала и расколосась, а тёплое масло разлилось по мозаичному полу большой липкой лужей.

На другой день в атрии⁵ того же домуса на Ви-минальском холме о чём-то спорили двое детей, но всякий раз умолкали, когда мимо проходил кто-нибудь из слуг.

— Всё это ложь! Мой отец не вор! — возму-щался младший мальчик, такой худенький, что, казалось, утопал в своей просторной одежде. — Хотя бы пустили меня к нему!

— Невозможно, Парис. Старший слуга Ак-вила запер его в чулан, куда отправляют в нака-зание, — уверенно и спокойно ответил другой мальчик, года на четыре старше.

— Как я могу поверить в такие ужас-ные обвинения? Весь Рим знает, что мой отец

⁵ *Atrio (лат.)* — атрий, главное помещение римского дома, где находились очаг и алтари домашних богов.

Диомед — самый честный из управляющих! Его непременно оправдают, верно же?

— Если дело обстоит так, как ты рассказал, то не очень-то рассчитывай на это, Парис. Его нашли без сознания, лежащим на полу возле пустого сундука с ключом в руках, — сразу же разочаровал его старший мальчик.

— Помоги ему, Аврелий... Благородный Публий Аврелий Стаций! — продолжал умолять младший мальчик. — Прошу тебя, ты можешь это сделать. Тебе почти шестнадцать лет, и ты — наследник!

— Ну и что? Я всё ещё ношу буллу, и моё слово ничего не значит в семейных делах, — объяснил Аврелий, прикасаясь к золотой подвеске с амулетами, которую римские дети, рождённые свободными, всегда носили поверх пратексты⁶. — И по закону, пока жив мой отец, я всегда буду оставаться несовершеннолетним.

Парис в растерянности оглянулся. В Риме все полномочия принадлежали отцу семейства⁷ — самому старшему мужчине в доме. До его смерти дети были совершенно бесправны, поэтому нередко можно было встретить людей весьма преклонного возраста, которые полностью зависели

⁶ *Praetexta* (лат.) — пратекста, окаймлённая пурпуром тога, которую носили римские мальчики, пока не надевали мужскую тогу.

⁷ Отец семейства — *paterfamilias* (лат.) — имел полную власть над всеми членами семьи (женой, детьми, внуками, правнуками, жёнами сыновей, а также рабами, которые тоже считались членами семьи), включая вопросы жизни и смерти, отказа от новорождённого, продажи в рабство, телесных наказаний.

от своего отца-долгожителя. Но в то же время человек, рано осиротевший, мог в своё удовольствие распоряжаться семейным состоянием.

— Может, твоя мать... — неуверенно заговорил Парис, хорошо понимая, что затронул болезненную тему.

— Она в Антиохии, со своим пятым мужем. Я не видел её уже три года, — объяснил Аврелий.

— Тогда кирия⁸ Лукреция! — настаивал Парис.

— Любовница отца меня терпеть не может и даже не пытается это скрывать. Она молода, красива, тщеславна и надеется получить разные выгоды от связи с могущественным патрицием. Но он обращается с ней, как со служанкой, а когда сердится, даже руки распускает. Я не раз слышал, как он бил её, когда напивался, — сказал Аврелий, умолчав о том, что исподтишка часами наблюдал за красивой и надменной женщиной. — Лукреция и не думает жаловаться, сносит любое унижение, лишь бы не утратить своих привилегий, хотя на самом-то деле они ничтожны: пригоршня сестерциев⁹, разрешение надевать по большим праздникам семейные драгоценности и жить в доме на Целиевом холме.

⁸ *Kyria* (греч.) — кирия, госпожа.

⁹ *Sestertius* (лат.) — сестерций, древнеримская монета из серебра или медного сплава. Со времён Августа — из медного сплава, достоинством в два с половиной асса, что и зафиксировано в её названии. Номинал монеты обозначался аббревиатурой II S, где II — римская цифра, означающая два, S — *semis* (половина). Согласно одной из версий, это сочетание стало прообразом знака доллара — \$.

Она убеждена, что, не будь меня, ей удалось бы уговорить моего отца жениться на ней или хотя бы завещать ей что-то. А ему, с другой стороны, удобно оставлять её в заблуждении... и ссылаться на меня всякий раз, когда не хочет открывать кошелёк.

У Париса задрожали губы.

— Выходит, ничего нельзя сделать, чтобы помочь моему отцу?

Глядя на испуганного мальчика, Аврелий не стал огорчать его сильнее.

— Давай немного подумаем, Парис. Наверное, должно быть какое-то другое объяснение этой краже. И в самом деле, в том, что произошло этой ночью, не всё понятно, — проговорил он, убеждая скорее себя, чем друга. — Например, как мог твой отец открыть сундук в темноте?

— У него была масляная лампа, она разбилась вдребезги. Говорят, он уронил её, поскользнулся на масле и ударился головой об угол сундука, который опустошал.

— В таком случае куда он дел всё, что украл?

— Никто не знает. И это, в общем-то, единственное обстоятельство, которое может говорить о его невиновности.

— Забудь об этом, Парис. Всегда можно допустить, будто у твоего отца был сообщник, — покачал головой Аврелий, чем очень огорчил друга.

— Кто-нибудь из слуг, наверное?

«Или его собственный сын!» — подумал Аврелий, поостерёгшись, разумеется, высказать подобное соображение вслух.

— Так или иначе, но Диомед почему-то осмелился войти в эту комнату, — произнёс он.

— Это верно, но, скорее всего, отец хотел только убедиться, что там всё в порядке, прежде чем отправиться спать. И как раз в этот момент его ударили по голове, — объяснил Парис.

— Но на голове нет раны, нет и никаких других признаков, что на него в самом деле кто-то напал, — заметил Аврелий.

— Выходит, даже ты не веришь ему! — воскликнул убитый горем мальчик.

— Я такого не говорил, — возразил его друг, — что нет синяков, ещё ничего не значит. Известно же, что некоторые удары не оставляют на коже никаких следов. Против твоего отца, однако, говорят и другие довольно серьёзные улики. Каким образом, например, Диомед объяснит, зачем сжимал в руке ключ или почему в комнате, где вы с отцом спите, нашли золотую пряжку? Старший слуга Аквила отыскал её там сегодня утром — она была спрятана за сундуком. Это старинное, дорогое украшение, которое переходит у нас из поколения в поколение, и наша семья редко пользуется им, предпочитая хранить в сундуке.

— Ясно же, что настоящий вор подсунул пряжку в наши вещи, чтобы свалить вину на моего отца! — заключил Парис.

— А как у него оказался ключ от сундука? — поинтересовался Аврелий. — По традиции отец семейства всегда носит его на шее и никогда никому не передаёт. Секретарь Умбриций между тем убеждён, что твой отец мог тайком сделать

себе копию. Если так, то дело и вправду принимает совсем плохой оборот!

— Почему?

— Потому, Парис, что в сундуке хранится также рубиновая печать семьи Аврелиев, и она равноценна подлинной подписи отца семейства на любом документе... Понимаешь, что это означает?

— Но печать не украдена! Не могут же просто так осудить честного человека! — возмутился мальчик.

— К сожалению, тут есть и другие обстоятельства, — неохотно продолжал Аврелий. — Аквила утверждает, что некоторое время назад мой отец приказал ему проверить под большим секретом книгу счетов.

— Ну и что?

— А то, что он, похоже, подозревал какой-то беспорядок в управлении.

— Проверка? — побледнел мальчик, не решаясь спросить, что же при этом выяснилось.

— Не волнуйся, Парис, никаких нарушений в счетах не нашли, — успокоил его Аврелий, догадавшись, о чём подумал мальчик.

— Значит, мы можем хоть что-то сделать. Умоляю тебя, Аврелий, поговори с господином, как только он вернётся. Попробуй ему всё объяснить. Я дрожу при одной только мысли, что произойдёт, если отца сочтут виновным. Ведь наш господин уже не раз обрекал людей на смерть! Помнишь Пульвилия?

Аврелий грустно покачал головой. Он слишком хорошо помнил тот случай. Бедного раба,

который поднял руку на господина, чтобы защититься от его ударов, отец велел распять, а тех, кто так или иначе поддержал его, отправил на невольничий рынок и выставил на продажу, словно вьючных животных.

С юных лет оказавшись свидетелем жестокого нрава и подлости своего родителя, молодой человек осуждал его со свойственным юности нравственным максимализмом. И постепенно от сыновьей любви ничего не осталось — так пустеет верхняя половинка водяных часов — клепсидры, откуда вода капля за каплей стекает вниз.

— Ты же знаешь, что у нас с ним не слишком тёплые отношения. Отец считает меня строптивым, непослушным и думает, будто добьётся повиновения, если станет постоянно грозить, что оставит без наследства, — печально произнёс молодой Стаций. — Но если он рассчитывает, что это подействует и я склоню голову, то ошибается. Не запугиванием или шантажом завоёвывают уважение сына.

— И всё же, ты ведь любишь его... — рискнул заметить Парис, который всем сердцем был привязан к своему отцу Диомеду.

— А за что его любить? — ответил Аврелий. — Он трус, всегда готов унижить слабого и без стыда пресмыкается перед всеми, кто сильнее его.

— Забудь о своих обидах и поговори с ним! Он выслушает тебя, ведь ты его единственный сын! — в отчаянии произнёс Парис.

— Судя по тому, как он со мной обращается, вряд ли станет слушать, — заметил Аврелий. —

Меня пороли куда чаще, чем иных моих слуг... Он велел учителю Хрисиппу бить меня всякий раз, когда тот посчитает нужным. И уверяю тебя, эта старая мумия не скупится на удары: он умирает от злости, что с ним обращаются как с простым рабом — с ним, получившим образование у лучших учителей. Спорить с отцом он не может, вот и вымещает обиду на мне.

— Я понимаю, чего тебе стоит просить о чём-либо отца, но сделай это ради меня! — снова взмолился Парис.

— Ладно, ради нашей дружбы забуду свою гордость и постараюсь что-нибудь сделать.

— Попросишь помиловать?

— Это бесполезно, Парис. Отец — человек злобный и мстительный, а в ярости вообще теряет разум. Чтобы убедить его в том, что Диомед невиновен, ему нужно предоставить хотя бы какие-то доказательства, да и то ещё неизвестно, станет ли он слушать нас. К сожалению, Аквила запер таблинум на ключ, поэтому невозможно осмотреть его.

— Но я собрал в мусоре осколки лампы. Может, они как-то помогут? Вот посмотри!

— Покажи! — попросил Аврелий и принялся рассматривать черепки. — Вот сразу одна довольно любопытная деталь: некоторые куски ещё в масле, но какие-то они шероховатые, чувствуешь? Будто что-то прилипло, — заметил он, проводя пальцем по одному из осколков.

— Может, пыль?

— Нет, для пыли слишком крупные частицы. Песок, я думаю.

— Это важная улика?

— Да, — взволнованно ответил юноша. — Это означает, что твой отец, скорее всего, сказал правду! Если его ударили мешком с песком, на затылке могло не остаться никаких следов. Думаю, настоящий вор воспользовался именно таким оружием, чтобы оглушить Диомеда, но не заметил, что мешок порвался и песок просыпался на пол. Когда лампа упала, песчинки прилипли к горячему маслу.

— Молодец! — обрадовался Парис.

Аврелий улыбнулся, расслабившись. По правде говоря, сам он не слишком верил в то, что всё происходило именно так, но не станет же он делиться своими сомнениями с другом, который и без того расстроен и перепуган.

— Чувствую, мы на верном пути, — сказал он, желая приободрить его. — Надо двигаться дальше.

— Но как? — растерялся мальчик.

— Прежде всего, нужно завладеть пряжкой, которую нашли в вашей с отцом комнате, и внимательно её осмотреть.

— Как будто кто-то даст нам её! — простонал Парис.

— Да уж, сомнительно. Но тем не менее... Поскольку вряд ли кто захочет добровольно показать её нам, остаётся только одно — украсть! — воскликнул Аврелий, широко улыбнувшись и с сочувствием приобняв друга.

Часом позже Аврелий вернулся в перистиль, где его ожидал Парис, и показал другу пряжку.

— Как тебе это удалось? — удивился Парис, с восхищением глядя на юного Стация.

— Забрался с крыши через решётку в комнату рабов. Я не сомневался, что Аквила запер такую важную улику у себя в комнате. И в самом деле, она оказалась в деревянной шкатулке у его кровати. Вскрыть замок не составило никакого труда.

— А зачем тебе эта пряжка? — спросил Парис, который уже окончательно уверовал в успех. Всё должно разрешиться самым наилучшим образом, раз Аврелий взялся за это дело.

— По правде говоря, даже не представляю, — ответил молодой человек, вертя пряжку в руках. — Какая тонкая работа, ты не находишь, Парис?

— Лев, стоящий на задних лапах, на фоне крылатой женской фигуры и надпись по-гречески *Nemeo*. Это знаменитый немейский лев, которого одолел Геракл, — пояснил его друг.

— Верно, но в написании ошибка. По-гречески должно быть *Nemeios*. Хотя вещь-то старинная, и, может быть, в те времена это слово писали именно так... Или же...

Аврелий задумался, а мальчик смотрел на него, затаив дыхание, ожидая, что же он скажет.

— Послушай, я знаю одного человека, который может многое рассказать об этой пряжке. В библиотеке Азиния Поллиония я встречал несколько раз одного забавного типа — хромой, как Гефест, и мучительно заикается. На первый взгляд кажется немного сумасшедшим, поэтому можешь себе представить, как я удивился, когда узнал, что он младший брат полководца Германика.

— Да ты что! — удивился Парис. Германик — внук императора Тиберия, наследник

Цезарей, самый известный человек в Риме. Ни одна женщина не устоит перед искушением бросить ему цветы, когда он проходит мимо; нет юноши, который не мечтал бы вступить в его легион. И чем больше Рим любит своего героя, тем с большим подозрением относятся к нему Тиберий и его мать Ливия¹⁰.

— Именно так! — подтвердил Аврелий. — Но я говорю о младшем брате Германика, о том самом Клавдии¹¹, которого императорская семья стыдится показывать на людях. Все считают его дурачком только потому, что он хромает и заикается, а мне, напротив, он показался очень славным и остроумным. Кроме того, если судить по книгам, которые читает Клавдий, думаю, он человек учёный. Возможно, о различных древностях он знает, как никто другой в Риме.

— Но тебе же приказано сидеть дома! — возразил Парис, всегда послушно выполнявший все распоряжения.

— Именно поэтому и не удастся ускользнуть через главный вход. Хрисипп полагает, будто готовлю упражнения по риторике, и велел привратнику ни в коем случае не выпускать меня. К счастью, есть и другой способ скрыться отсюда...

¹⁰ Друзилла, Ливия — римская матрона из семьи Клавдия. В 38 году до н. э. после развода вышла замуж за Октавиана Августа и стала постоянно оказывать сильное влияние на его политические и юридические решения.

¹¹ Клавдий — римский император, был четвёртым правителем Рима после Октавиана Августа, Тиберия и Калигулы. Придя к власти в 41 году н. э., формально восстановил власть сената, предоставил римское гражданство многочисленным жителям колоний.